

Осенью 1856 года в петербургском «Современнике» появились воспоминания о Бальзаке его родной сестры Лоры Сюрвилль. Перевод с французского сделал Чернышевский, но при этом сильно сократил текст. Так, выпало место, где сестра упоминает о «большом сердечном горе» брата, вызванном смертью «одной весьма дорогой ему особы». Имя особы г-жа Сюрвилль не называет, но настаивает, что письма брата тех дней — «это самое красноречивое выражение душевной боли, какое мне только приходилось читать».

Чернышевскому данный пассаж показался, видимо, не очень внятным, и он его опустил. А жалко! Дело в том, что с особой, о которой идет речь, читающая петербургская публика познакомилась еще два десятилетия назад, причем — невероятно! — узнала о ее существовании раньше, нежели публика парижская.

Произошло это в 1835 году, когда в журнале «Иностранное обозрение», выходящем в российской столице на французском языке, начал печататься роман Бальзака «Лилии долины». Парижане еще в глаза его не видели, а россияне уже читали, о чем сам автор узнал с изумлением и гневом.

Разразился скандал. Бальзак подал в суд на редактора журнала «Ревю де Пари», тайком и, разумеется, за немалые деньги отправившего в Петербург текст еще не заверщенного произведения. Мало того — произведения, которое значило для автора очень много...

И не только для него. Много значила эта книга еще для одного человека — той самой «весьма дорогой ему особы», о которой впоследствии обмолвится в своих воспоминаниях сестра писателя и которая послужила прототипом главной героини романа, на что существует прямое указание Бальзака. «Образ госпожи де Морсоф в «Лилии долины», — писал он, — лишь бледное отражение самых малых достоинств этой женщины».

Речь идет о г-же де Берни, которая, по утверждению Бальзака, сделала из него писателя.

Впервые он появился в ее фешенебельном доме в качестве учителя. Ее старшей дочери тогда было больше лет, нежели ему. Но он не в дочь влюбился, он влюбился в мать.

«Тогда это был очень грязный и очень худой молодой человек, — вспоминает один из мемуаристов, — очень говорливый, чьи сбивчивые речи трудно было разобрать, отчасти из-за пены у рта, в котором было слишком много слюны и совсем не было верхних зубов».

На роль покорителя женских сердец данный субъект вроде бы не тянет, но... Но «незаурядных женщин, — настаивает Бальзак, — можно пленить только чарами ума и благородством характера».

Незаурядность г-жи де Берни 22-летний Оноре заметил не сразу. Сохранилось письмо, где он не без иронии повествует, как эта дама «торгует овсом, отрубями, зерном и сеном для скота, ибо после сорокалетних размышлений она поняла, что деньги — это все».

Так говорит он о г-же де Берни в феврале 1822 года, а уже в марте с жаром пишет ей об одном человеке, который якобы мечтает, «копаясь радостью, всегда быть рядом» с ней.

«Человек этот, — продолжает интриговать почтенную даму будущий романист, — с восторгом готов причаститься вашей жизни, ваших чувств, он то жалеет вас, то желает и при этом неизменно любит со всей пылкостью и свежестью чувства, которое расцветает лишь в молодости».

А дальше, не в силах больше сдерживаться, отбрасывает инсказание и переходит к третьему лицу на первое. «Вы для меня земное божество, к которому я обращаю все свои помыслы и деяния».

Г-жа де Берни смущена. Г-жа де Берни напоминает пылкому юноше, что она мать семерых детей. (Вообще-то девятирх, но двое умерли). И не только мать, а уже — известно ли ему? — бабушка!

Разумеется, известно, но разве дети помеха?

«Да, — читаем в «Лилии долины», — да, позднее мы любим в женщине женщину, тогда как в первом предмете нашей страсти мы любим все: ее дети дороги нам, как наши собственные, ее дом становится нашим домом...».

Слова эти будут написаны романистом Бальзаком еще не скоро, но мысленно он произносил их уже тогда. И не только мысленно.

«Ваш возраст, — писал он г-же де Берни, — для меня не существует, а если я и вспоминаю, что вам сорок пять, то вижу в этом лишнее доказательство силы моей страсти». К тому же, как сформулирует он позже в одной из книг, «между любовником и любовницей должно существовать несходство».

Она согласна: должно, но не в такой же степени! В ее годы просто смешно...

Он перебивает ее (Бальзак вообще всех перебивал — вежливость, увы, не была в числе его добродетелей): «Ваши годы, быть может, и делали бы вас смешной в моих глазах, если бы я не любил вас, теперь же это, напротив, только сильнее привлекает меня к вам».

Такие письма Бальзак строил ежедневно — «какая женщина не сдалась бы после этого?».

Г-жа де Берни (так же как и героиня, к которой относится эта фраза) сдалась. Это случилось теплой майской ночью в благоухающем фиалками парке. А утром г-жа де Берни нетерпеливо, радостно и тревожно разбирала его стремительные каракули.

«О Лора! Я пишу тебе, а меня окружает молчание ночи, ночи, полной тобой, а в душе моей живет воспоминание о твоих страстных поцелуях! О чем еще я могу теперь думать?.. Я все время вижу нашу скамью; я ощущаю, как твои милые руки трепетно обнимают меня, а цветы передо мной, хотя они уже увяли, сохраняют пьянящий аромат».

Мемуарная литература о Бальзаке огромна, но, кажется, лучше всех написал о нем его младший друг и коллега Теофиль Готье. Есть там и о женщине, которую любил Бальзак, — это обобщенный образ, имен Готье не называет, — но прежде всего за ним стоит, конечно, г-жа де Берни.

«Он любил женщину наших дней, такую, какова она есть, а не бледную статую; он лю-

тедьство тому, — понимал, может быть, острее, чем она, ибо многое и в собственной судьбе, и в судьбе близких предсказал на страницах своих сочинений. «Ясновидец духа», — называли его современники.

В сентябре 1832 года пишется «Покинутая женщина», сюжет которой кажется на первый взгляд совершенно невероятным: герой страстно влюбляется в женщину, которую в глаза никогда не видел, а в декабре именно это происходит с самим автором: начинается его заочный роман с Ганской, будущей супругой.

Но романист вводит еще один термин: «супруга души», относительного исключительно к г-же де Берни, печальная судьба которой тоже предсказана в «Покинутой женщине».

«Мой обожаемый, мой любимый, как мучительно, как невыносимо жить, цепляясь за человека, которому твоя жизнь больше не нужна».

Кто пишет это? Героиня новеллы? Реальная женщина? Реальная женщина, г-жа де Берни, но под словами героини она тоже готова подписаться.

Уроки любви

Труд. 1994. 14 мая. с. 7.

Супруга моей души

Так называл Бальзак женщину,
которая сделала из него писателя

бил присущие ей добродетели и пороки, ее прихоти, ее шали, платья, шляпы и следовал за нею по дороге жизни довольно далеко... Он на много лет продлевал ее молодость, превращал бабуле лето в весну и озарял ее закат прекраснейшими золотыми лучами».

Весна г-жи де Берни, наступившая, вопреки законам природы, после бабьего лета, была бурной. «Ты мне нужен, — писала она Оноре, — больше, чем воздух птице, чем вода рыбе, чем тело душе».

Да, весна г-жи де Берни была бурной, но не безоблачной. Бальзак никогда не блистал талантами конспиратора — об их связи скоро узнали все, и все ее, естественно, осудили: от детей г-жи де Берни до матери Оноре, последняя — особенно яростно. А тут еще его бесконечные предпринимательские проекты, которые один за другим терпели крах, и возлюбленной приходилось вырывать его деньги. Но главное... Главное — время, которое работало на него (пришла наконец первая известность — не без ее, естественно, помощи) и которое стало с некоторой поре ее злейшим врагом. Ей ведь уже за пятьдесят... Но, как сказано в той же «Лилии долины», «когда волосы убелит седина, любовь в сердце будет по-прежнему юной».

Словом, г-жа де Берни полна огня и страсти. И какого огня! Какой страсти!

«О мой дорогой! Мой божественный!.. Если бы в безумных грезах у меня явилось желание быть любимой так, как любяешь ты на небесах, и если бы это желание полностью осуществилось, то даже тогда мое блаженство ничего бы не стоило в сравнении с тем, какое даруешь мне ты».

Она спрашивает, где найти ей такую силу и такое могущество, чтобы сполна заплатить за любовь, но это риторический вопрос. И силу, и могущество, и терпение, и готовность жертвовать собой — все, все находит она. Рассталась с мужем, погубила свое доселе безупречное имя в свете. зато его карьера — карьера писателя — круто шла вверх, и она принимала в этом самое деятельное участие.

«Я помню, при каких обстоятельствах ты читал мне тот или иной отрывок, и что ты о нем говорил».

Говорила, надо думать, и она тоже, но меньше. Один из современников утверждает, что «привлечь к себе его внимание и поправить его можно было лишь одним способом: расхваливая его или выслушивая его похвалы».

Но ведь умение выслушивать — это тоже искусство, и искусство редкое, г-жа де Берни владела им в совершенстве. К тому же она владела искусством создавать возлюбленному идеальные условия для работы — сколько раз он прятался под ее кровом, вдали от столичного шума и кредиторов, и писал, писал, писал... Потом выпархивал на волю, и она оставалась одна, что неизменно вергало ее в отчаяние. «Если ты думаешь, — писала она Бальзаку, — что может существовать сердце, которое поклоняется тебе, как богу, и при этом не испытывает мук, разлучаясь с тобой...»

Он так не думал. Он все понимал — его книги лучшее свиде-

«Разве я не обладала юным целомудренным существом, нежны, прекрасным и чутким... которым ни одна женщина не будет больше обладать?».

Ни одна, это уж точно...

И еще: «Моя любовь настолько сильна, что я предпочту твое счастье своему». А потому, напутствует мудрая женщина, «если ты колеблешься в выборе между мной и кем-то еще, я возвращаю тебе свободу».

Бальзак воспользовался этой свободой, не раздумывая, но со своей первой подружкой, своей покровительницей, своим ангелом-хранителем не порвал. «Тебе принадлежит все мое сердце, а ей только моя плоть».

Это, правда, слова из романа, сочинения беллетристического, которое можно трактовать так и этак, но вот что вывел Бальзак на титуле самой заветной своей книги, «Луи Ламбей», — вывел, посвящая ее г-же де Берни: «Ныне и присно избранной».

Они по-прежнему переписываются, он по-прежнему поверяет ей свои планы и свои тайны, он по-прежнему скрывается у нее, чтобы закончить очередной роман... Именно здесь, в ее доме, летит к своему трагическому завершению «Лилия долины»: героиня, прототипом которой стала г-жа де Берни, угасает на глазах. Вот только на сей раз это не предвидение художника, не фантазия, не предсказывание того, что произойдет когда-нибудь не скоро, а констатация факта.

«Госпожа де Берни, — писал он своему другу, — поражена смертельным недугом: у нее аневризма сердца; болезнь неизлечима. Я потрясен до глубины души. Если этот небесный светоч будет снят у меня, все вокруг словно померкнет».

Но смертельный недуг не мешал ей с прежней скрупулезностью вникать во все, что выходит из-под его пера, а уж в «Лилию долины», роман сердца, тем более. По ее замечаниям Бальзак устранил из уже готового текста целых сто строк — и это Бальзак, который, утверждала Жорж Санд, если когда и спрашивал у друзей совета, то все равно «не слушал их или же выслушивал для того, чтобы тут же упрямо оппортировать с высоты своего превосходства»!

О г-же де Берни он писал в те трудные дни всем: мужчинам, женщинам — всему, по существу, миру, ибо роман, впервые обнародованный в петербургском «Иностранном обозрении», прочтет затем весь мир.

«Она не только пленила меня, как женщина, которая покоряет нас своей преданностью или страстью, нет, она заполнила мое сердце целиком, и отныне каждое его биение было нераздельно связано с ней; она стала для меня тем, чем была Беатриче для флорентийского поэта и безупречная Лаура для поэта венецианского, — матерью великих мыслей, скрытой причиной спасительных поступков, опорой в жизни, светом, что сияет в темноте, как белая лилия среди темной листвы».

Лилия... «Лилии долины», ее роман... В июне 1836 года он вышел отдельным изданием, а в июле г-жа де Берни умерла. Но перед смертью успела подержать в руках первый — самый первый! — специально для нее отпечатанный экземпляр.

Руслан КИРЕЕВ.